

БАРБАРА ДЕМИК

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ В СЕВЕРНОЙ КОРЕЕ



Барбара Демик

**Повседневная жизнь
в Северной Корее**

«Альпина Диджитал»

2010

Демик Б.

Повседневная жизнь в Северной Корее / Б. Демик — «Альпина Диджитал», 2010

Страшное в своей безыскусности и документальной точности, свободное от излишней патетики, искреннее и динамичное повествование приоткрывает привычную завесу конспиративности, тщательно поддерживаемую спецслужбами КНДР. Достоверность проникновенного рассказа о быте и нравах в КНДР гарантируют рассказы ее бывших жителей, которым удалось сбежать из «Страны утренней свежести», а также данные и цифры из самых авторитетных источников.

© Демик Б., 2010

© Альпина Диджитал, 2010

Содержание

От автора	8
Глава 1	9
Глава 2	19
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Барбара Демик

Повседневная жизнь в Северной Корее

Переводчики *Наталья Бернадская, Владимир Гржонко, Мария Кульнева*

Редактор *Мария Николенко*

Руководитель проекта *И. Серёгина*

Корректоры *М. Савина, М. Миловидова*

Компьютерная верстка *А. Фоминов*

Дизайнер обложки *О. Белорус*

Фото на обложке *Hiroji Kubota/Magnum Photos*

© Barbara Demick, 2009, 2010

© Карты. Mapping Specialists, Ltd., 2009

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина нон-фикшн», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Посвящается Николасу, Глэдис и Юджину



От автора

В 2001 году я в качестве корреспондента газеты *Los Angeles Times* отправилась в Сеул для освещения событий в Южной и Северной Корее. КНДР в то время была закрыта для американских журналистов. Даже сумев туда попасть, я не получила возможности работать. Оказалось, к западному корреспонденту приставляют «сопровождающих», которые следят за тем, чтобы «гость» не вступал ни в какие незапланированные беседы с простыми гражданами и не отклонялся от заранее утвержденного маршрута по памятным местам города. На фотографиях и на телеэкране жители КНДР производили на меня впечатление роботов, которые только и делают, что стройными рядами маршируют на парадах и участвуют в массовых представлениях, прославляющих вождей. Мне захотелось увидеть истинное лицо северных корейцев, которое скрывается за этой бездушной маской.

Подлинная картина жизни КНДР стала вырисовываться, когда в Южной Корее я нашла северян, бежавших из своей страны. В результате я написала для *Los Angeles Times* ряд статей, посвященных бывшим жителям Чхонджина – города на севере КНДР. Для того чтобы мои выводы были объективными, я постаралась опросить как можно больше беженцев из одного и того же населенного пункта. Мне хотелось написать о месте, расположенном вдали от тщательно залакированных объектов, по которым северокорейские власти водят иностранцев. Чхонджин – именно такое место. Это третий по величине город КНДР. Его жители особенно сильно пострадали от голода середины 1990-х годов, и гражданину другого государства попасть туда практически невозможно. Я встретила многих замечательных людей из Чхонджина, которые не пожалели времени на то, чтобы рассказать мне о своей жизни.

Из тех статей, написанных для газеты, и возникла моя книга. Материалом для нее послужили интервью, которые я брала у жителей Северной Кореи на протяжении семи лет. Иногда я разговаривала с человеком один на один, иногда беседа проходила в группе. Некоторые имена пришлось изменить, чтобы не подвергать опасности людей, все еще живущих в КНДР. Для получения объективной картины я сопоставляла рассказы беженцев друг с другом, а также с официальными сообщениями о событиях в Чхонджине. Устные свидетельства, фотографии и видеоматериалы позволили мне написать о городе, в котором я не смогла побывать лично. Поскольку жизнь в Северной Корее абсолютно недоступна для стороннего наблюдателя, представленная в книге информация, разумеется, не может претендовать на исчерпывающую точность. Остается только надеяться, что однажды двери КНДР распахнутся, и мы получим возможность непосредственно судить о том, что же на самом деле происходило в этой стране.

Глава 1

Взявшись за руки в темноте



Ночные спутниковые снимки Северной и Южной Кореи

Если вы посмотрите на Дальний Восток из космоса, то увидите большое темное пятно – Корейскую Народно-Демократическую Республику. Рядом с этой черной дырой светятся благополучием соседние государства: Южная Корея, Япония, а в последнее время и Китай. Даже с высоты сотен километров видны рекламные щиты, огни автострад и неоновые вывески ресторанчиков быстрого питания (сверху они кажутся крохотными белыми точками). Сразу становится ясно, что внизу XXI век: люди работают, отдыхают и активно потребляют энергию. А посреди этого сияния – черный провал размером с Англию. Удивительно, что страна с населением 23 млн человек может показаться безлюдной, как океан. Такова Северная Корея.

Она погрузилась во тьму в начале 1990-х годов. С развалом Советского Союза, снабжавшего дешевой нефтью своего старого союзника по коммунистическому лагерю, развалилась и северокорейская экономика, которая и до того была не слишком эффективна. Электростанции превратились в груды ржавого железа. Погасли фонари. Голодные люди стали забираться на столбы с электропроводами и снимать медный кабель, чтобы выменять его на еду. Теперь после захода солнца страну окутывают серые сумерки, и вскоре ночь поглощает низкие, приземистые дома. Деревни целиком исчезают в непроглядной тьме. Даже в некоторых районах Пхеньяна – столицы и лица страны – иной раз случается идти по широкой улице, не видя домов, стоящих вдоль нее.

Пустыня, в которую превратилась Северная Корея, может напомнить иностранцу глухие деревушки Африки или Юго-Восточной Азии, где люди еще не знают электричества. Однако Северную Корею нельзя назвать неразвитой страной – она просто отделилась от цивилизованного мира. Свидетельства того, что было, но утрачено, встречаются вдоль любого шоссе: это свисающие заржавевшие провода высоковольтных линий электропередач, некогда опоясывавших всю страну.

Северокорейцы постарше хорошо помнят, что когда-то в их государстве с электричеством (а значит, и с едой) дело обстояло лучше, чем в проамерикански настроенной Южной Корее. Тем унижительнее для них сегодняшнее сидение в темноте. В 1990-х годах Соединенные Штаты предложили Северной Корее помощь с энергоносителями, если та прекратит разрабатывать ядерное оружие. Соглашение сорвалось: администрация Буша обвинила КНДР в невыполнении принятых обязательств. Северокорейцы очень недовольны тем, что остались без электричества, и до сих пор винят в своих бедах американцев. Люди не могут читать по вечерам. Не могут смотреть телевизор. «Без электричества у нас нет культуры», – сказал мне как-то здоровяк-охранник.

Впрочем, у темноты есть и свои преимущества. Особенно если ты подросток и встречаешься с кем-то, с кем тебя не должны видеть. Когда взрослые ложатся спать (зимой – часов в 7), легко выскользнуть из дому незамеченным. Темнота позволяет обрести свободу, которой северокорейцам недостает так же, как и электричества. Под магическим покровом ночи можно делать что угодно, не опасаясь назойливых взглядов родителей, соседей или тайной полиции.

Многие беженцы из КНДР рассказывали мне о том, как они полюбили темноту. Но особенно сильное впечатление произвела на меня история одной девушки. В своей книге я буду звать ее Ми Ран. Ей было всего двенадцать, когда она встретила парнишку тремя годами старше из соседнего городка. В запутанной северокорейской социальной иерархии ее семья стояла на нижней ступеньке. Если бы влюбленных увидели вместе, это могло бы сильно повредить карьерным перспективам молодого человека, не говоря уже о репутации девушки. Поэтому все их свидания были попросту долгими прогулками во тьме. Ну а что им еще оставалось? Ведь они стали встречаться в начале 1990-х, когда ни кафе, ни кинотеатры уже не работали из-за отсутствия электричества.

Свидания назначались после ужина. Чтобы избавить Ми Ран от объяснений со старшими сестрами, младшим братом и любопытными соседями, молодой человек никогда не заходил к ней. Она и ее родные ютились в крохотной квартирке в длинном узком доме с единственной уборной на десяток семей, которая стояла во дворе. Здание было отделено от улицы стеной почти в человеческий рост. Парень нашел за оградой укромное местечко, где с наступлением сумерек никто не мог его увидеть. Голоса соседей, звяканье посуды и звуки, доносящиеся из уборной, скрадывали его шаги. Иногда он ждал часа два или три – время не имело значения. В Северной Корее жизнь течет неторопливо.

Ми Ран прибегала, как только появлялась возможность ускользнуть из дому. Выйдя на улицу, она старательно вглядывалась в потемки, не видя своего друга, но ощущая его присутствие. Ей не было нужды прихорашиваться – к чему в темноте косметика? Иногда девушка шла

на свидание в школьной форме: скромная ярко-синяя юбка чуть ниже колен и белая блузка – все из легко мнущегося синтетического материала. Ми Ран была так юна, что могла не беспокоиться о своей внешности.

Поначалу парень с девушкой шли молча, потом начинали перешептываться и лишь за городской чертой расслаблялись, позволяя себе говорить в полный голос. Пока оставалась хоть малейшая вероятность быть замеченными, они держались друг от друга на расстоянии вытянутой руки.

Сразу за городом дорога уходила в заросли деревьев, к горячим минеральным источникам. Когда-то здесь был популярный курорт: сюда, на термальные воды, температура которых достигала 55 °С, приезжали полные автобусы китайских туристов, жаждущих исцеления от всяческих артритов и диабетов. Но теперь курорт почти совсем опустел. У входа влюбленных встречал прямоугольник зеркального пруда, окруженный каменной стеной. Тропинки петляли меж сосен, японских кленов и гинкго – любимых деревьев Ми Ран, по осени сбрасывающих свои горчично-жёлтые листья, которые по форме напоминают восточный веер. На соседних холмах деревья вырубали и пустили на растопку, но роща у горячих источников была так хороша, что у местных жителей не поднималась на нее рука.

Территория пришла в запустение: за деревьями никто не ухаживал, каменные скамьи потрескались, а брусчатка аллей скалилась дырами, как щербатый рот. К середине 1990-х все в Северной Корее обветшало, скособоилось и перестало работать. Что ж, страна знавала лучшие дни. Но по ночам упадок не так бросался в глаза. И в бассейне у горячего источника, мутном и забитом водорослями, по-прежнему отражались звезды.

Ночное небо в Северной Корее – незабываемое зрелище. Пожалуй, это единственное место в Северо-Восточной Азии, где любоваться звездами не мешает ни угольная пыль, ни песок пустыни Гоби, ни угарный газ, от которого задыхается весь континент. Когда-то северокорейские заводы вносили свою лепту в загрязнение атмосферы, но те времена давно прошли, и искусственный свет больше не затмевает блеска звезд.

Влюбленные шли в ночной темноте, шурша опавшей листвой гинкго. О чем они разговаривали? О семье, об учебе, о прочитанных книгах – неважно. Бесконечное очарование этих вечеров не зависело от темы беседы. Много лет спустя, когда я попросила Ми Ран рассказать о самых счастливых днях ее жизни, она вспомнила те ночные прогулки. Такого не увидишь на фотографиях со спутника. И кто бы ни разглядывал космические снимки – специалисты из ЦРУ или ученые из университетов, – все они смотрят на Северную Корею издалека, не задумываясь о том, что в этой черной дыре, в унылой темной стране, где миллионы людей умирают от голода, есть еще и любовь.

Когда я познакомилась с Ми Ран, ей уже перевалило за тридцать и она шесть лет жила в Южной Корее. Я тогда готовила материал о северокорейских беженцах и попросила ее об интервью.

В 2004 году я возглавила представительство *Los Angeles Times* в Сеуле и должна была освещать события на всем Корейском полуострове. Писать о Южной Корее было легко. Мощная экономика (13-е место в мире), процветающая, пусть и не слишком упорядоченная демократия, весьма энергичные и предприимчивые пресс-службы... Правительственные чиновники здесь дают репортерам номер своего мобильного, и им можно звонить в любое время.

В Северной Корее все было по-другому. Связь страны с внешним миром практически ограничивалась нелепыми нападка на «гносных американских империалистов» в новостях Центрального информационного агентства Кореи, прозванного Великим ругателем. Соединенные Штаты принимали участие в корейской кампании 1950–1953 годов (первом крупном вооруженном конфликте холодной войны) на стороне Южной Кореи, где до сих пор оставалось

40 000 американских военнослужащих. Для Северной Кореи война словно и не закончилась – так свежа была ненависть к врагу.

Американцев в Северную Корею пускали очень неохотно, а уж американских журналистов и подавно. Когда в 2005 году я наконец-то получила северокорейскую визу и приехала с коллегой в Пхеньян, нам в основном показывали монументы в честь великого вождя Ким Чен Ира и его покойного отца Ким Ир Сена. Нас неотлучно сопровождали двое тощих мужчин в темных костюмах, оба назвались распространенной фамилией Пак. (К иностранцам в Северной Корее всегда приставляют двух соглядатаев, которые должны присматривать еще и друг за другом, чтобы их невозможно было подкупить.) Объяснялись они напыщенным официальным языком. Фраза «спасибо нашему дорогому вождю Ким Чен Иру» звучала вновь и вновь. При разговоре сопровождающие старались не смотреть нам в глаза, и я спрашивала себя: «А верят ли они сами собственным словам? О чем на самом деле думают эти люди? Действительно ли искренне любят своего вождя? Хватает ли им еды? Что они делают, когда приходят домой после работы? Каково это – жить при тоталитарном режиме?»

Было очевидно, что ответы на мои вопросы следует искать за пределами Северной Кореи, и я решила поговорить с людьми, которые покинули эту страну.

В 2004 году Ми Ран жила в Сувоне – ярком суматошном городе, расположенном в тридцати с лишним километрах к югу от Сеула. Там находятся головной офис фирмы *Samsung* и несколько производственных комплексов, выпускающих привычные нам южнокорейские товары – мониторы, CD-дисководы, флешки, цифровые телевизоры. (По статистике, разрыв между экономиками Северной и Южной Кореи вчетверо больше аналогичного показателя для Восточной и Западной Германии перед их объединением в 1990 году.)

Сувон – многолюдный город, пестрый и шумный от обилия спорящих друг с другом цветов и звуков. Как и большинство южнокорейских населенных пунктов, он застроен уродливыми бетонными коробками с кричащей наружной рекламой. Многоэтажные жилые дома раскинулись на многие километры вокруг тесного делового центра, изобилующего заведениями быстрого питания: интернациональными монстрами типа *Dunkin' Donuts* и *Pizza Hut*, а также их корейскими аналогами. На задворках прячутся отели с названиями вроде «Эрос» или «Сад любви», где номера сдаются почасово. Тысячи автомобилей «хёндай» (еще один плод экономического чуда) стоят в привычных пробках, пытаясь пробраться от торговых центров к дому. Чтобы избежать этих вечных заторов, в Сеуле я села на поезд и через полчаса езды оказалась в Сувоне. Там поймала такси, которое медленно поползло к одному из немногих спокойных мест в городе – гриль-бару напротив крепости XVIII века.

Ми Ран я заметила не сразу: она была совсем не похожа на других северян, с которыми мне приходилось встречаться. В то время в Южной Корее жило около шести тысяч беженцев с Севера. Как правило, им непросто было адаптироваться в новом мире, о чем свидетельствовали, скажем, слишком короткие юбки или бирки, не срезанные с одежды. Однако Ми Ран внешне не отличалась от южнокорейских женщин. На ней были элегантный коричневый свитер и трикотажные брюки в тон. Ми Ран показалась мне скромницей (правда, впоследствии, как это нередко случается, первое впечатление оказалось ошибочным). Волосы у нее были забраны назад и аккуратно заколоты. Выглядела она безупречно – если не считать нескольких прыщиков на подбородке да талии, чуть округлившейся от беременности. Годом раньше она вышла замуж за южнокорейца, служащего в армии вольнонаемным, и вот теперь они ждали первенца.

Я пригласила Ми Ран на обед, чтобы поговорить о северокорейской системе школьного образования. До побега Ми Ран жила в небольшом шахтерском городке и работала воспитательницей в детском саду. Здесь, в Южной Корее, она получала высшее педагогическое образование. Разговор был серьезный, временами даже мрачный. Мы так и не притронулись к еде. Ми Ран рассказывала о том, как ее пяти-шестилетние подопечные умирали от голода. И этим несчастным детям она должна была втолковывать, как им посчастливилось родиться в Север-

ной Корее. Ким Ир Сен, который пришел к власти вскоре после Второй мировой войны и правил страной до самой смерти в 1994 году, уподоблялся богу, а его наследник Ким Чен Ир – божьему сыну, своего рода Христу.

Ми Ран жестко отзывалась о северокорейской системе промывания мозгов. Поговорив об этом пару часов, мы незаметно перешли к теме, которая считается типично женской. В спокойной и искренней Ми Ран было что-то такое, что позволило мне задать ей несколько вопросов личного характера. Как развлекаются молодые северокорейцы? Есть ли в их жизни счастливые минуты? Был ли у нее бойфренд в КНДР?

– Забавно, что вы о нем спросили, – проговорила Ми Ран. – Он как раз приснился мне прошлой ночью...

И она рассказала о рослом и ловком парне с взлохмаченными волосами, падающими на лоб. Оказавшись в Южной Корее, Ми Ран обнаружила, что кумир здешней молодежи актер Ю Чон Сан похож на ее бывшего бойфренда (поэтому я решила назвать его Чон Сан). Молодой человек был очень толковым, учился в одном из лучших университетов Пхеньяна и собирался делать карьеру в науке. Кстати, еще и поэтому они с Ми Ран не могли встречаться прилюдно.

В Северной Корее нет отелей для свиданий. Случайные связи там считаются предосудительными. И все же я осторожно полюбопытствовала, как далеко у моей собеседницы зашли отношения с парнем. Ми Ран рассмеялась:

– Потребовалось три года, чтобы мы решились взяться за руки. И еще шесть, чтобы поцеловаться. О чем-то большем я даже и не думала. Когда я уехала из Северной Кореи, мне было 26 лет, я работала учительницей, но довольно смутно представляла себе, откуда берутся дети.

Ми Ран призналась, что часто думает о своей первой любви, а когда вспоминает, как они расстались, ее мучит совесть. Ведь Чон Сан был ее лучшим другом, она делилась с ним мечтами и семейными тайнами. Но самую большую тайну Ми Ран от него скрыла. Она никогда не говорила ему, что ей противно жить в Северной Корее, что она не верит словам официальной пропаганды, которые повторяет своим ученикам. А главное, она не рассказала Чон Сану, что их семья собирается бежать в Южную Корею. И не то чтобы Ми Ран ему не доверяла. Просто там, в Северной Корее, осторожность не бывала чрезмерной. Молодой человек мог проболтаться кому-нибудь, тот – кому-нибудь еще... Никогда не знаешь, где нарвешься на стукача. Сосед доносил на соседа, друг – на друга. Даже любовники могли быть доносчиками. Если бы в тайной полиции узнали о планах Ми Ран и ее семьи, их всех отправили бы в исправительный лагерь в горах.

– Я не могла так рисковать, – призналась моя собеседница, – поэтому даже не попрощалась с ним.

После той первой встречи мы еще не раз возвращались к разговору о Чон Сане. Ми Ран была счастливой женой, а потом и матерью, но при упоминании его имени всякий раз краснела и речь ее становилась сбивчивой. По-моему, она радовалась, когда я затрагивала эту тему, ведь ей больше не с кем было поговорить о своей первой любви.

– Что с ним теперь? – спросила я ее.

Ми Ран пожала плечами.

Даже через 50 лет после войны северные и южные корейцы не поддерживают никаких связей. Ситуация намного хуже, чем в Восточной и Западной Германии или в других странах, переживших раздел. Между Северной и Южной Кореей нет телефонной и почтовой связи, даже электронная почта недоступна.

Ми Ран и сама хотела бы получить ответ на многие вопросы. Женился ли он? Думает ли о ней? Простил ли ее за то, что она уехала, не попрощавшись? Считает ли ее предательницей Родины?

– Думаю, он все-таки меня понял, – сказала Ми Ран. – Хотя, конечно, этого уже не узнать...

Ми Ран и Чон Сан встретились совсем юными. Они жили на окраине Чхонджина – промышленного города на северо-востоке страны неподалеку от границы с Россией.

Северокорейский пейзаж очень напоминает сдержанную по цвету восточную миниатюру. Встречаются поразительно красивые места (американцу они бы, пожалуй, напомнили тихоокеанское побережье на северо-западе), но ярких красок здесь не увидишь. Цветовая гамма скуповатая: от темной зелени пихты и можжевельника до серебристой белизны горных вершин. Столь характерные для Азии ярко-зеленые лоскуты рисовых полей тут можно видеть лишь несколько месяцев в году, во время летнего сезона дождей. Еще одна короткая цветовая вспышка – осенний листопад. В остальное время в пейзаже преобладают тусклые бежево-коричневые тона.

В отличие от Южной Кореи, здесь нет шума и суеты. Машин мало, дорожных знаков почти не встретишь. Личные автомобили чаще всего нелегальны, да и мало кому они по карману. Даже трактор на поле увидишь редко, чаще – тощих волов, тянущих плуг. Дома сугубо функциональные, унылой расцветки. Почти нет зданий, переживших Корейскую войну. Большая часть жилого фонда сооружена в 1960–1970-е годы из бетонных блоков и известняка. Квартиры распределяются в соответствии с производственными достижениями и социальным рангом. В городах многие живут в «голубятнях» – невысоких зданиях с маленькими квартирками, а в сельской местности народ в основном ютится в одноэтажных постройках, представляющих собой ряды однокомнатных коробок, прижатых друг к другу и прозванных за это «гармошками». Иногда глаз радуют двери и оконные рамы, выкрашенные бирюзовой краской, но большей частью все белое или серое.

В антиутопии «1984» Джордж Оруэлл писал о мире, где цвет остался только на агитационных плакатах. Именно такую картину можно наблюдать в Северной Корее. Яркие изображения Ким Ир Сена выполнены в духе соцреализма. Великий вождь сидит на скамейке, окруженный нарядно одетыми детьми, и благосклонно улыбается. От его лица исходят желтые и оранжевые лучи: он Человек-Солнце.

Красный цвет предназначен для встречающихся на каждом шагу агитационных надписей. Корейский язык использует уникальный алфавит, состоящий из кругов и линий. Красные буквы на фоне серого пейзажа сразу бросаются в глаза. Они шагают по полям, возвышаются над гранитными скалами, отмеряют километры на шоссе, пляшут на крышах вокзалов и других общественных зданий.

ДА ЗДРАВСТВУЕТ КИМ ИР СЕН!

김일성 만세!

КИМ ЧЕН ИР – СОЛНЦЕ XXI ВЕКА!

21세기의 태양 김정일 장군 만세!

ДАВАЙТЕ ЖИТЬ ПО-СВОЕМУ!

우리 식으로 살자!

СЛОВО ПАРТИИ – ЗАКОН!

당이 결심하면 우리는 한다!

НАМ НЕЧЕМУ ЗАВИДОВАТЬ!

세상에 부럼 없어라!

В детстве Ми Ран не имела причин не верить этим лозунгам. Ее отец был простым рабочим. Их семья жила бедно, как, впрочем, и все, кого Ми Ран знала. Любые зарубежные издания, фильмы и радиопередачи были недоступны, поэтому девочка считала, что нигде в мире людям не живется лучше, чем у нее на Родине, что во многих странах не хватает еды. Много раз она слышала по радио и телевидению о несчастных южнокорейцах, которые изнывали под каблуком у проамериканского марионеточного диктатора по имени Пак Чон Хи, а затем и у его преемника Чон Ду Хвана. Девочке внушали, будто «мягкий» вариант китайской коммунистической системы менее совершенен, чем строй Ким Ир Сена, поэтому миллионы китайцев голодают. В общем, Ми Ран была уверена, что ей очень повезло родиться в Северной Корее под отеческой опекой великого вождя.

В самом деле место, где выросла Ми Ран, в 1970–1980-е годы было относительно благополучным. Типовая северокорейская деревня с населением около тысячи человек благодаря усилиям централизованного планирования мало чем отличалась от сотен других населенных пунктов, зато могла похвастаться удачным расположением. Восточное (Японское) море было всего в 10 км, так что местные жители иногда могли поесть свежей рыбы и крабов. У поселка имелись и другие преимущества: близость к городу, к промышленным окраинам Чхонджина, а также возможность выращивать овощи. Ведь относительно плоская местность, где расположена деревня, – настоящее благо в стране, где равнинных земель, пригодных для посева, вечно не хватает. Неподалеку, у горячих источников, располагалась одна из многочисленных загородных вилл Ким Ир Сена.

Ми Ран была младшей из четырех сестер. В 1973 году, когда она родилась, появление на свет девочки считалось в Северной Корее такой же неудачей, как и в Англии XIX века (вспомните роман Джейн Остин «Гордость и предубеждение», где описано незавидное положение семьи с пятью дочерьми). Северная и Южная Корея придерживаются конфуцианской традиции, согласно которой сыновья продолжают род и заботятся о стариках. Родители Ми Ран, в конце концов, избежали трагедии, потому что через три года после ее появления на свет у них родился мальчик. Это означало, что младшая дочь с тех пор была обделена вниманием.

Семья жила в доме-«гармошке» в однокомнатной квартире, соответствующей положению отца Ми Ран в социальной иерархии. Входная дверь вела прямо в маленькую кухню, где стояла печь, которую топили дровами или углем. Ее использовали для приготовления еды и обогрева дома с помощью традиционной корейской системы отопления ондоль: горячий воздух шел под пол. Раздвижные двери отделяли кухню от комнаты, где вся семья спала на циновках, которые днем сворачивались. С рождением мальчика семья выросла до восьми человек: пятеро детей, родители и бабушка. Поэтому отец Ми Ран дал взятку председателю народного комитета, чтобы тот позволил добавить к их квартире смежную комнату и прорубить в нее дверь.

В квартире, ставшей более просторной, семья разделилась по половому признаку. Во время обеда женщины, теснясь за невысоким деревянным столиком рядом с кухней, ели кукурузную кашу, которая была дешевой и менее калорийной, чем рис, главный продукт питания

северокорейцев, предназначавшийся для отца и сына. Они ели за отдельным столом. «Я думал, это вполне естественно», – скажет мне позднее Сок Чу, брат Ми Ран.

Если старшие сестры и обращали внимание на такое неравенство, то шума не поднимали. Одна Ми Ран рыдала и требовала справедливости. «Почему только Сок Чу покупают новые туфли? – спрашивала она. – Почему о Сок Чу мама заботится, а обо мне нет?»

Вопросы оставались без ответа.

Впоследствии Ми Ран не раз восставала против налагаемых на девушек ограничений. В то время в Северной Корее женщинам не полагалось ездить на велосипедах: это считалось некрасивым и даже непристойным. Время от времени негласный запрет узаконивался указами Трудовой партии. Но Ми Ран все было нипочем. С одиннадцати лет она ездила в Чхонджин на единственном в семье велосипеде старой японской модели. Ей хотелось вырваться из гнетущей атмосферы маленькой деревни и бежать – все равно куда. Поездка была трудная для ребенка: три часа в гору и только часть пути по асфальтированной дороге. Мужчины обгоняли ее, ругая за дерзость. «Эй, ты, задницу не порви!» – кричали они ей.

Иногда группа подростков неслась прямо на нее, пытаясь сбить с велосипеда. Ми Ран ругалась в ответ. В конце концов, она научилась пропускать оскорбления мимо ушей, продолжая крутить педали.

В родном городе Ми Ран было только одно место, где она могла расслабиться, – кинотеатр. Он есть в каждом городе КНДР, независимо от его размера. Этим северокорейцы обязаны убежденности Ким Чен Ира в том, что кино – необходимый инструмент воспитания масс. В возрасте тридцати лет (в 1971 году) Ким Чен Ир стал руководить Отделом агитации и пропаганды Трудовой партии, которому подчинялись все киностудии страны. В 1973 году будущий вождь опубликовал книгу «Об искусстве кино», в которой изложил свою теорию: «Социалистическое искусство является чрезвычайно эффективным средством, вдохновляющим людей на труд во благо революции».

В годы правления Ким Чен Ира площадь Корейской студии художественных фильмов на окраине Пхеньяна приблизилась к квадратному километру. Студия выпускала сорок фильмов в год. В основном это были типовые драмы о пути к счастью через самопожертвование и пренебрежение личным ради блага коллектива, об упадке и разложении капитализма. Посетив студию в 2005 году, я увидела там декорацию типичной улицы Сеула в представлении северокорейцев – ряды обшарпанных магазинов и притонов.

Несмотря на то что в кинотеатре показывали лишь чисто пропагандистские фильмы, Ми Ран обожала туда ходить. Как все дети, выросшие в северокорейской провинции, она очень любила кино. Когда девочка стала достаточно взрослой для самостоятельных культпоходов, ей пришлось кланяться у мамы деньги на билет. Стоил он недорого – всего полвона, то есть несколько центов, как стакан лимонада. Ми Ран смотрела все подряд. Некоторые фильмы считались недетскими, например картина «Любовь, любовь, моя любовь!»¹, вышедшая на экраны в 1985 году. В одной из ее сцен был намек на поцелуй. Вообще-то исполнительница главной роли просто опускала зонтик, и зрители не видели прикосновения губ, но и этого оказалось достаточно, чтобы установить возрастное ограничение: детям разрешалось смотреть фильм только в сопровождении взрослых. Голливудская кинопродукция была, конечно, под запретом, как и почти все иностранные ленты, за исключением некоторых российских, которые особенно нравились Ми Ран. В них было меньше откровенной пропаганды и больше романтики, чем в отечественных.

¹ Режиссер – Син Сан Ок (1926–2006). Работал в Южной Корее, КНДР и США. Участник престижных международных кинофестивалей. Наиболее известен по фильмам «Принц Йон Сан» и «Пульгасари». – *Прим. ред.*

Неудивительно, что мечтательная девушка, обожавшая смотреть фильмы про любовь, искала ее и в жизни.

Ми Ран и Чон Сан встретились в 1986 году, когда электричества было еще достаточно, чтобы запустить кинопроектор. Дом культуры, самое внушительное сооружение в городе, построили в 1930-е годы, во время японской оккупации, в популярном тогда помпезном стиле. Весь фасад двухэтажного кинотеатра (внутри имелись партер и балкон) покрывал огромный портрет Ким Ир Сена. Согласно инструкции, размер его изображения должен был соответствовать габаритам здания. Дом культуры служил одновременно и кинотеатром, и театром, и лекционным залом. По праздникам, например в День рождения Ким Ир Сена, там вручали награды трудящимся, наиболее успешно следовавшим примеру великого вождя. В остальное время в зале крутили кино: новые картины прибывали из Пхеньяна каждые несколько недель.

Чон Сан так же увлекался кинематографом, как и Ми Ран. Когда в город привозили новый фильм, он старался увидеть его одним из первых. На этот раз показывали «Зарождение нового строя». Действие развивалось во время Второй мировой войны в Маньчжурии, где корейские коммунисты под руководством молодого Ким Ир Сена боролись с колониальными захватчиками. Тема антияпонского сопротивления столь же традиционна для северокорейской киноиндустрии, как для Голливуда – ковбои и индейцы. В фильме снялась популярная актриса, поэтому ожидалось, что он будет иметь у зрителей большой успех.

Чон Сан пришел в кинотеатр рано и купил два билета, для себя и для брата. Прохаживаясь у входа, он увидел Ми Ран. Она стояла позади толпы, штурмовавшей кассу. В северокорейские кинотеатры ходили в основном люди молодые и шумные. В тот день толпа особенно разбушевалась. Группа подростков протолкнулась в начало очереди, оттеснив ребят помладше. Чтобы лучше разглядеть Ми Ран, Чон Сан подошел поближе. Она нетерпеливо топталась на месте и, казалось, была готова заплакать.

В Северной Корее красивыми считаются девушки со светлой кожей (чем светлее, тем лучше), круглым лицом и губками бантиком. Ми Ран выглядела совершенно иначе: резкие удлиненные черты, римский нос и выраженные скулы. Чон Сану она показалась необычной, почти как иностранка, и немножко диковатой. На свалку у кассы она взирала с нескрываемым негодованием. Ее естественность резко контрастировала с тем, как держались другие девочки, при смехе прикрывавшие рот рукой и старавшиеся вести себя подчеркнуто скромно. Глядя на одухотворенное лицо негодующей Ми Ран, Чон Сан удивлялся тому, что жизнь в КНДР как будто не оставила на ней своего отпечатка. Эта девушка очаровала его с первого взгляда.

Чон Сану исполнилось пятнадцать, и он с волнением ощущал в себе влечение к девушкам вообще, но до сих пор не обращал внимания ни на одну из них в отдельности. Насмотревшись фильмов и как бы глядя на себя со стороны, он видел свою встречу с возлюбленной, как если бы действие разворачивалось на экране. Позднее он вспоминал тот момент, и Ми Ран представлялась ему окруженной загадочным сиянием. «Не могу поверить, что в этом маленьком городишке живет такая девушка», – сказал он сам себе.

Чон Сан несколько раз обошел толпу, чтобы получше рассмотреть Ми Ран и решить, что же делать. По природе он был скорее философом, чем борцом, и протиснуться к кассе не отважился. Ему пришла в голову другая мысль: фильм вот-вот должен был начаться, а брат запаздывал. Если он, Чон Сан, продаст девушке лишний билет, она будет сидеть рядом с ним, ведь на билетах указаны места. Он стал кружить возле нее, пытаясь точно сформулировать в уме фразу, которую произнесет.

В конце концов, ему не хватило смелости заговорить с незнакомой девочкой. Он проскользнул в кинотеатр. Героиня фильма неслась галопом через заснеженное поле, а Чон Сан думал об упущенной возможности. Подстриженная под мальчика актриса воплощала на экране образ бесстрашной партизанки, скачущей по степям Маньчжурии с революционными лозун-

гами на устах. А Чон Сан не переставал думать о девочке, оставшейся за дверями кинотеатра. Когда пошли финальные титры, он бросился к выходу, чтобы найти ее, но она исчезла.

Глава 2

Дурная кровь



Беженцы, спасающиеся от Корейской войны

Долговязый пятнадцатилетний подросток Чон Сан прилежно учился и с детства делал успехи в математике и естественных науках. Его отец, сам в некоторой степени несостоявшийся интеллектual, строил большие планы в отношении своих детей, особенно талантливого старшего сына. Мечтал о том, что мальчик выберется из их провинциального городка и продолжит обучение в Пхеньяне. Если Чон Сан возвращался домой после девяти вечера или не успевал сделать домашнее задание, отец немедленно брался за палку, предназначенную для наказания непослушных детей. Для того чтобы поступить в такое престижное учебное заведение, как Университет имени Ким Ир Сена, мальчику необходимо было получать высокие оценки в школе и выдержать две недели строгих экзаменов в Чхонджине. Хотя Чон Сан только недавно стал старшеклассником, у него уже были карьерные планы, и времени на знакомства с девушками не оставалось. Он не мог позволить себе внимать зову природы.

Чон Сан гнал от себя блуждающие мысли, которые в самый неподходящий момент мешали ему сконцентрироваться. Но, как ни старался, вытеснить из памяти образ коротковолосой девушки, топтавшейся у входа в кинотеатр, не удавалось. Он ничего не знал о ней. Как ее звали? Была ли она так красива, как ему запомнилось? Или это память сыграла с ним злую шутку? Можно ли хотя бы узнать, кто она такая?

Разыскать ее оказалось на удивление легко. Ми Ран была из тех девочек, которые не остаются незамеченными молодыми людьми, и, стоило Чон Сану упомянуть ее короткую стрижку в разговоре с друзьями, они тут же поняли, о ком идет речь. Мальчик, с которым Чон Сан занимался боксом, жил в той же «гармошке», что и Ми Ран. Как бы невзначай болтая с приятелем, Чон Сан выудил у него кое-какие сведения о девушке, а тот обещал пошпионить за ней.

Соседи без конца судачили о Ми Ран и ее сестрах. Многие отмечали, что девочки выросли одна красивее другой. Они были высокие, спортивные, что очень ценится в Северной Корее, к тому же талантливые. Самая старшая занималась пением, другая рисовала. Все сестры превосходно играли в волейбол и баскетбол. Соседки-сплетницы про них говорили: «До чего же красивые и умные девушки! Обидно только, что родились в такой недостойной семье!»

Проблема заключалась в отце Ми Ран – тихом сухопаром человеке, который, как и многие другие в этом районе, работал в шахте. Он был плотником, ремонтировал деревянные балки на месторождении, где добывали каолин – глину, используемую для изготовления керамики. Единственное отличие этого неприметного человека от других состояло в том, что он не пил. В то время как другие шахтеры обильно поглощали сжигающее внутренности кукурузное зелье или, если могли себе это позволить, местную рисовую водку соджу, отец Ми Ран не брал в рот ни капли. Он не хотел употреблять ничего, что могло бы развязать ему язык и заставить говорить о прошлом.

Тхэ У, отец Ми Ран, родился в 1932 году в той части страны, которая позднее вошла в состав Южной Кореи – врага КНДР. Независимо от того, как давно кореец уехал из родных мест, своим домом он называет место, где жили его предки по отцовской линии. Тхэ У был выходцем из провинции Южный Чхунчхон, расположенной на другой стороне полуострова, недалеко от побережья Желтого моря. Это тихая сельская местность с изумрудно-зелеными рисовыми полями столь же гостеприимна, сколь непривлекателен Чхонджин. Деревня находилась близ небольшого городка Сосана (он состоял из ряда домов, вытянувшихся вдоль полосы сухой земли, которая пересекала похожие на шахматную доску рисовые поля). В 1940-х годах все в поселке было сделано из глины и соломы, даже мяч, который пинали на улице мальчишки. Источником жизни здесь считался рис, выращивание которого требовало изнурительной работы: пахота, посев и пересадка саженцев – все это делалось вручную. Жители деревни еле-еле сводили концы с концами, но семья Тхэ У жила чуточку лучше других. Их крытый соломой дом был немного больше других домов. Семья имела 2000 пхенов земли, что приблизительно составляет 0,66 га. Дополнительные деньги приносила небольшая мельница, где соседи могли перемолоть рис или ячмень. Дедушка Ми Ран занимал достаточно высокое положение, чтобы иметь двух жен. Двоеженство в то время не считалось чем-то из ряда вон выходящим, но закон признавал только первый брак. Тхэ У был первенцем от второй жены и единственным мальчиком в семье. После него родились две девочки, которые обожали брата и неотступно следовали за ним по пятам – к его неудовольствию, зато к радости его друзей, потому что сестры постепенно превратились в красивых девушек-подростков.

Тхэ У не был старшим в своей компании, зато был прирожденным вожаком. Когда ребята играли в войну, ему всегда доставалась роль генерала. Приятели называли его маленьким Наполеоном. «Он был прямой и решительный. Говорил твердо, и его слушали, – рассказывал Ли Чон Хон, друг детства Тхэ У, до сих пор живущий в той деревне. – А еще он очень неплохо соображал».

Как и многие сыновья фермеров, отец Ми Ран учился до пятнадцати лет: сначала в начальной школе, потом в средней. Языком обучения был японский. Япония захватила Корею в 1910 году, свергла последнего из корейских императоров, после чего методично уничтожала корейскую культуру и насаждала собственную. В первые годы оккупации пожилые мужчины в деревне были вынуждены отрезать косу, которую корейцы традиционно носили связанной в пучок под черной шляпой. Им пришлось взять японские имена. Японцы взимали непомерные налоги – половину, а то и больше урожая риса – под тем предлогом, что этого требовала война в Тихом океане. Молодых мужчин и женщин отправляли в Японию опять же для военных нужд, а девушкам приходилось заниматься проституцией, удовлетворяя сексуальные потребности солдат (проститутки в те годы эвфемистически называли «женщинами для утешения»). Кре-

стьяне, которые выращивали рис, ненавидели японцев, без чьего позволения не могли сделать и шагу.

15 августа 1945 года император Хирохито объявил по радио о капитуляции Японии. Потребовалось несколько дней для того, чтобы новость добралась до деревни. Услышав ее, ребята побежали в казармы, в которых были размещены японские войска, и обнаружили, что военные в спешке ушли, бросив свои личные вещи. Время оккупации осталось в прошлом. У жителей деревни не было денег, чтобы устроить праздник, но они с ликованием выбежали на улицу, поздравляя друг друга. «Да здравствует Чосон²!» – кричали они. Корейцы верили, что вернули себе свою страну и теперь могут сами распоряжаться собственной судьбой.

Пока японский император читал свое заявление по радио, на другой стороне земного шара, в Вашингтоне, округ Колумбия, два молодых офицера совещались над географической картой, пытаясь решить судьбу Кореи. В Вашингтоне почти ничего не знали об этой глухой японской колонии. Уже существовали тщательно разработанные планы послевоенной оккупации Германии и Японии, но о Корее вспомнили только теперь. Японцы правили в этой стране тридцать пять лет, и их внезапный уход мог вызвать опасное состояние безвластия. Соединенные Штаты были обеспокоены возможностью захвата Кореи Советской Армией в качестве плацдарма на пути к главной цели – Японии. В Вашингтоне росло недоверие к недавнему союзнику по Второй мировой войне. За неделю до капитуляции Японии советские войска уже вступили в Корею с севера и были готовы продвигаться дальше. Пытаясь умиротворить СССР, американцы передали ему во временную, как они считали, опеку северную часть Кореи. Один из офицеров по имени Дин Раск, который позднее стал государственным секретарем США, хотел, чтобы столица Сеул осталась в американском секторе. Пытаясь найти удобный способ разделить полуостров, два армейских офицера просто провели границу по 38-й параллели.

Линия раздела не имела никакого отношения к корейской истории или географии. Корея – небольшой, похожий на палец полуостров, омываемый Японским морем на востоке, Желтым – на западе. От Китая страну отделяют реки Амноккан (по-китайски Ялуцзян) и Туманган (по-китайски Тумыньцзян, она же Туманная). В ландшафте нет ничего такого, что предполагало бы естественное разделение на две части. До японской оккупации Корея на протяжении многих веков была единой. С 1392 года она управлялась династией Чосон, чье царствование оказалось одним из самых долговечных в мировой истории. Еще раньше, в начале нашей эры, на полуострове сложилось три противоборствующих феодальных государства. Политические разногласия раскалывали страну на западную и восточную части: восточная естественно тяготела к Японии, а западная – к Китаю. Разделение между Севером и Югом, совершенно чуждое сознанию местных жителей, было придумано в Вашингтоне и навязано им извне. Если верить историческому анекдоту, Эдварду Стеттиниусу, тогдашнему госсекретарю, пришлось спрашивать у подчиненных, где находится Корея.

Разделение по примеру Германии привело корейцев в ярость. В конце концов, во Второй мировой войне они были не агрессорами, а жертвами. Как самоуничижительно говорили о своей стране сами жители Кореи, страдающие от соперничества сверхдержав, она оказалась «креветкой среди китов».

Ни одна из противоборствующих внешних сил не была готова пойти на уступки, чтобы обеспечить независимость Кореи. Сами корейцы разделились на десяток с лишним конкурирующих группировок, многие из которых симпатизировали коммунистам. Проведенная по карте временная демаркационная линия вскоре превратилась в постоянную границу. В 1948 году под руководством 70-летнего Ли Сын Мана – закостенелого консерватора, получившего докторскую степень в Принстоне – была создана Республика Корея. Боец антияпонского сопротивле-

² Чосон, или Страна утренней свежести, – наименование древнего корейского государства. Входит в оригинальное название КНДР (Чосон минджуджуй инмин конхвагук).

ния Ким Ир Сен при поддержке Москвы быстро последовал его примеру и объявил о создании Корейской Народно-Демократической Республики – Северной Корее. Линия раздела, проходящая по 38-й параллели, в конце концов превратилась в заросли длиной почти 250 км и шириной 3,2 км, вдоль которых протянулись окопы, насыпи, колючая проволока, противотанковые рвы. Пограничные укрепления усилили артиллерийскими установками и противопехотными минами.

Каждая из сторон утверждала, что именно она представляет законное правительство Кореи. Война была неизбежна. В воскресное утро 25 июня 1950 года, еще до рассвета, войска Ким Ир Сена на советских танках штурмовали границу. Они быстро захватили Сеул и продвигались на юг до тех пор, пока от Южной Кореи не остался лишь клочок прибрежной территории на юго-востоке – окрестности города Пусана. Дерзкая высадка в Инчхоне морского десанта – сорока тысяч американских солдат под командованием генерала Дугласа Макартура – вернула Южной Корее все то, что удалось захватить коммунистам. В коалицию ООН кроме Соединенных Штатов и Южной Кореи входили войска еще пятнадцати стран, среди которых были Великобритания, Австралия, Канада, Франция и Нидерланды. Они отбили Сеул и продвинулись севернее Пхеньяна. Тем не менее, когда они подошли к реке Ялу, в бой вступила Народно-освободительная армия Китая и отбросила их назад. Еще два года войны лишь усугубили безвыходность положения. К 27 июля 1953 года, когда было подписано соглашение о прекращении военных действий, почти 3 млн человек числились убитыми, полуостров лежал в руинах. Граница проходила примерно по той же 38-й параллели. Даже по меркам XX века это была жестокая и безрезультатная война.

Когда коммунисты вторглись в страну, Тхэ У уже исполнилось восемнадцать лет. Его отец к тому времени умер, и молодой человек стал главой семьи, поддержкой для матери и сестер. Южная Корея была плохо подготовлена к боевым действиям: личный состав ее армии насчитывал только 65 000 человек, что составляло примерно четверть численности северокорейских войск. Стране нужны были все хоть сколько-нибудь годные к военной службе мужчины. Некоторые крестьяне-рисоводы поддерживали Север, поскольку после разгрома Японии их экономическое положение не улучшилось, а коммунисты, по слухам, раздавали народу землю. Но большинство молодых людей оставались аполитичными. «В те дни мы не разбирали, где левые, а где правые», – вспоминал Ли Чон Хон. Однако, каковы бы ни были твои взгляды, выбирать не приходилось: в южнокорейскую армию призывали всех.

Тхэ У дослужился до звания сержанта. Последний бой его подразделения состоялся недалеко от деревни Кимхуа, что в 40 км к северу от 38-й параллели. Кимхуа (позднее переименованная в Кумхуа) оказалась одной из вершин «железного треугольника», как американцы прозвали стратегически важную долину, окруженную гранитом гор. В двух других углах этого треугольника находились Пйонгганг и Чхорвон. В долине проходили самые тяжелые бои последнего этапа войны, когда китайцы, ожидая скорого перемирия, продвигались на юг. В ночь на 13 июля 1953 года три подразделения китайской армии – примерно 60 000 солдат – неожиданно атаковали южнокорейские войска и войска союзников. По воспоминаниям одного американского военного, коммунисты начали бомбить позиции ООН около половины восьмого вечера, а около десяти стали стрелять осветительными патронами, чтобы показать противнику, как «горы и долины будто ожили от движения тысяч солдат». Сигналы горна звучали со всех сторон, и союзники могли видеть бегущих по направлению к ним китайцев. «Это было невероятно! Похоже на сцену из фильма», – рассказывал бывший американский военнослужащий. В течение недели, не переставая, шел дождь, и «по холмам текли потоки воды, смешанной с кровью».

Тхэ У, к тому времени переведенный в санитарную часть, нес на носилках раненого, когда его подразделение окружили китайцы. Всего за две недели до подписания перемирия отец Ми Ран вместе с пятью сотнями других солдат и офицеров был взят в плен.

На этом его жизнь как гражданина Южной Кореи завершилась. Отец Ми Ран никогда не рассказывал о том, что с ним случилось в плену. Наверняка условия его содержания были не лучше тех, которые считались обыкновенными в северокорейских лагерях. Ха Че Сок, другой военнопленный (позднее ему удалось бежать), писал в своих мемуарах, что люди теснились в грязных бараках, не имея возможности помыться или почистить зубы. Волосы кишели вшами, необработанные раны – личинками насекомых. Раз в день заключенным давали рис и соленую воду.

После прекращения военных действий состоялся обмен пленными, в ходе которого коммунисты освободили 12 773 заключенных, из них 7 862 жителя Южной Кореи. Но еще тысячи, может быть, десятки тысяч военнопленных, в том числе Тхэ У, так и не вернулись домой. Когда на вокзале в Пхеньяне их посадили в поезд, они подумали, что поедут в Южную Корею. Но вместо этого, вспоминает Ха, их отправили на север, в богатый углем горный район, растянувшийся вдоль китайской границы. Новый лагерь военнопленных под названием «Строительная часть Министерства внутренних дел» был построен недалеко от месторождения. Добыча угля в Северной Корее – работа не только грязная, но и очень опасная, так как в шахтах часто случаются обвалы или пожары. «Жизнь военнопленного ломаного гроша не стоила, – писал Хо. – Каждый день, отправляясь в шахту, я содрогался от страха. Чувствовал себя коровой, которую ведут на бойню: я никогда не знал, выйду ли живым».

В 1956 году северокорейское правительство издало указ, по которому южнокорейские военнопленные могли получить гражданство КНДР. Это означало, что худшее (то есть угольные шахты, строившиеся второпях и потому подверженные частым обвалам и пожарам) осталось позади, но домой южане уже никогда не вернуться. Тхэ У отправили в Мусан – неприметный городок в провинции Северный Хамгён у китайской границы – на месторождение железной руды. Все шахтеры были выходцами из Южной Кореи и жили вместе в общежитии.

Там работала одинокая девушка девятнадцати лет – кандидатка в старые девы. Слишком угловатая, чтобы считаться красивой, она была по-своему привлекательной: в ее целеустремленности чувствовалась духовная и физическая сила. Девушка страстно хотела выйти замуж, чтобы отделиться от матери и сестры, с которыми жила. Мужчин брачного возраста после войны было мало. Заведующий общежитием познакомил ее с Тхэ У. Парень был невысок (с нее ростом), но сквозь налет угольной пыли просвечивала какая-то мягкость, учтивость. Девушка почувствовала прилив жалости к этому одинокому молодому человеку. В том же году они поженились.

Тхэ У быстро приспособился к жизни в Северной Корее. Смешаться с толпой оказалось достаточно легко. Корейцы были единым народом – *хан нара*, как они любили говорить. Северяне и южане не имели характерных различий во внешности. Пхеньянский акцент часто высмеивали за его сходство с гортанным наречием Пусана. В хаосе военных лет корейское население окончательно перемешалось. Опасаясь преследований со стороны коммунистов, десятки тысяч северян, среди которых были землевладельцы, предприниматели, христианские священнослужители и японские коллаборационисты, бежали на юг. Сторонники коммунистического строя (их было меньше) бежали на север. Бесчисленные толпы людей, не имевших определенных политических пристрастий, просто бежали: с юга на север или с севера на юг – туда, куда их бросала война. В результате этого брожения северянина от южанина стало не отличить.

Вскоре после женитьбы Тхэ У и его молодую жену перевели на другое месторождение около Чхонджина, где их никто не знал. Казалось бы, у соседей не было никаких оснований подозревать, что у молодого человека темное прошлое, но такова особенность Северной Кореи: там обязательно находится кто-нибудь, кому все обо всех известно.

После войны Ким Ир Сен в первую очередь решил отделить друзей от врагов. Начал он с верхов, расправившись с потенциальными конкурентами. Вождь избавился от многих товарищей по оружию, вместе с которыми в Маньчжурии боролся против японских оккупантов.

Приказал арестовать членов-учредителей Коммунистической партии Южной Кореи. Во время войны эти люди были очень полезными, но теперь стали не нужны и от них ничто не мешало избавиться. Потом прошли другие чистки. Страна начинала походить на древнюю империю китайского образца, где безраздельно господствовал Ким Ир Сен.

Разобравшись с верхушкой, вождь обратил внимание на простых людей. В 1958 году с целью полной реорганизации общества он приказал разработать комплексную систему классификации всего населения Северной Кореи по критерию политической лояльности. Во время культурной революции в Китае 1960–1970-х годов хунвейбины («красная гвардия») тоже боролись с «приспешниками капитализма», что привело к беспорядочному террору, при котором сосед доносил на соседа. В КНДР система работала методично и без ошибок. Каждый человек должен был пройти через восемь проверок анкетных данных. Классификация под названием *сонбун* учитывала прошлое родителей, бабушек, дедушек и даже троюродных братьев и сестер. Разные этапы «чистки» носили вдохновляющие названия: сначала «Чуткое руководство партии», а в 1972 и 1974 годах, когда классификацию усовершенствовали, наступила пора «Внимания к человеку».

В то время как фактически страна возвращалась к феодальным порядкам, душившим ее в прошлом, с трибун кричали о преобразовании общества в духе XX века. Раньше корейцы были связаны кастовой системой, почти столь же жесткой, как в Индии. Высокопоставленные лица носили белые рубашки и высокие черные шляпы из конского волоса, а рабы ходили с деревянными ярлыками на шее. Старая классовая структура в значительной степени опиралась на учение китайского философа Конфуция, который считал, что общество строится иерархически. Ким Ир Сен объединил наименее гуманные элементы конфуцианства со сталинизмом. На вершине пирамиды вместо императора находился вождь со своей семьей. Остальные люди делились на тех, кто составлял классовую основу, на колеблющихся и врагов. Эти классы, в свою очередь, включали в себя 51 категорию.

К представителям враждебного класса относились *кисэн* (артистки, которые, подобно японским гейшам, могли оказывать богатым клиентам и другие услуги), гадалки и шаманы, именуемые *мудан* (последние принадлежали к низшему классу и при монархии). Согласно докладу о состоянии прав человека в КНДР, составленному на основе показаний беженцев, к низам общества относились также политически неблагонадежные:

Члены семей богатых фермеров, торговцев, промышленников, землевладельцев или тех, чье частное имущество было полностью конфисковано, прояпонски и проамерикански настроенные граждане, чиновники-реакционеры, перебежчики с юга... буддисты, католики, изгнанные государственные служащие и те, кто помогал Южной Корее во время Корейской войны.

Тхэ У как бывший южнокорейский солдат занимал место, близкое к основанию пирамиды, хотя были и такие, кому повезло еще меньше: эти люди (около 200 000 человек, то есть 1 % населения) находились в пожизненном заключении в лагерях образца советского ГУЛАГа. Ну а таким, как отец Ми Ран, просто запрещалось жить в Пхеньяне или занимать лучшие участки земли ближе к югу, где почва была плодороднее, а климат теплее. Тхэ У и мечтать не мог о вступлении в Трудовую партию, которая, подобно коммунистическим партиям Китая и Советского Союза, распределяла номенклатурные должности.

За неблагонадежными гражданами присматривали окружающие. Все население Северной Кореи разделено на так называемые *инминбаны* (народные группы), объединяющие примерно двадцать соседствующих семей и осуществляющие контроль за личной жизнью человека. Каждую группу возглавляет избранный руководитель, который сообщает властям обо всем подозрительном (обычно это женщина средних лет). Северокорейцу низшего ранга было

практически невозможно продвинуться по службе. Личные дела хранились в местном отделении Министерства государственной безопасности, а в горной провинции Янгандо держали копии документов, на случай если кто-то осмелится что-нибудь изменить в своем личном деле. По такой общественной лестнице можно двигаться только вниз. Даже если человек принадлежит к элите, то есть является родственником правящей семьи или занимает высокий государственный пост, за определенные провинности он может быть лишен привилегированного положения. Но если человека причислили к врагам, то это уже навсегда. В чем бы ни заключалось прегрешение, оно остается пятном на всю жизнь. Новая социальная структура столь же незыблема, как и система каст, принятая в былые времена. Грехи отцов передаются по наследству детям и внукам.

Людей, родившихся с таким грузом, в Северной Корее называют «дурная кровь». К этой категории относились Ми Ран, а также ее брат и три сестры. Они считались запятнанными на всю жизнь, и перспективы их были столь же ограниченными, как у Тхэ У.

Ребенком Ми Ран ничего не знала о беде, которая настигла ее еще до рождения. В семье предпочли не рассказывать детям о южнокорейском происхождении их отца. Зачем им заранее знать, что лучшие школы и лучшие рабочие места будут для них недоступны, что вскоре их жизнь зайдет в тупик? Если они это поймут, к чему им тогда прилежно учиться, заниматься музыкой и участвовать в спортивных соревнованиях?

Северокорейцам не сообщают о присвоенной им социальной категории, поэтому тот факт, что официальная репутация семьи запятнана, бросался в глаза не сразу. Однако дети не могли не замечать за своим отцом некоторых странностей. Этот чудаковатый одинокий человек, казалось, нес на плечах тяжелое бремя. У него не было родственников. Он не только не говорил о своем прошлом, но и вообще разговаривал очень мало. На вопросы отвечал односложно и почти шепотом. Тхэ У чувствовал себя наиболее комфортно, когда ремонтировал что-нибудь в доме и, сосредоточившись на своем деле, имел право молчать.

От самоуверенного мальчишки, всегда игравшего роль генерала, не осталось и следа. За него говорила жена, передавшая дочерям рост и спортивное телосложение. Когда нужно было приструнить детей или выяснить отношения с соседом, это делала она. А у мужа если и было свое мнение, то держал он его при себе. В тех редких случаях, когда ему удавалось приобрести газету (для Северной Кореи это роскошь), Тхэ У молча читал ее при свете единственной в квартире сорокаваттной лампочки. Никто не знал, что он думал о последних великих начинаниях Ким Ир Сена, о которых с гордостью писала местная газета или «Нодон Синмун», рупор Трудовой партии. Верил ли Тхэ У тому, что читал? Был ли убежденным сторонником режима?

Пассивность отца нередко раздражала Ми Ран. Только позднее она поняла, что иначе ему было не выжить: он подавлял себя, чтобы не привлекать лишнего внимания. Многие из тысяч южнокорейских солдат, пытавшихся ассимилироваться в КНДР, оказались не столь осторожными и поплатились за это. Мать позднее рассказала Ми Ран, что четверых приятелей, работавших с отцом в шахте, казнили за незначительные нарушения дисциплины, а трупы сбросили в общую могилу. Чтобы выдвинуть обвинение против человека, принадлежащего к враждебному классу, не требовалось собирать улики. Иронической интонации при упоминании Ким Ир Сена или ностальгической реплики о Южной Корее было вполне достаточно, чтобы у человека начались серьезные проблемы. Категорически запрещалось говорить о Корейской войне и о том, кто ее начал. Как утверждала официальная историография (а другой в КНДР и не существует), первой границу пересекла вовсе не северокорейская, а южнокорейская армия – по наущению американцев. «Американские империалисты отдали марионеточной клике Ли Сын Мана приказ развязать Корейскую войну», – писали в газете «Нодон Синмун». А все те, кто помнил, что действительно произошло 25 июня 1950 года (Какой кореец мог это забыть?), предпочитали держать язык за зубами.

Подрастая, дети стали отдавать себе отчет в том, что прошлое отца осложняет им жизнь. Обязательное образование заканчивается в 15 лет, дальше юноши и девушки сдают экзамены для поступления в старшие классы. Те, кого не принимают, отправляются работать на заводы, угольные шахты и т. п. Но брат и сестры Ми-Ран были уверены в том, что смогут продолжить учебу. Они были умны, хороши собой, могли похвастаться атлетическим телосложением, о них с похвалой отзывались преподаватели и одноклассники. Если бы дети Тхэ У были менее талантливы, они, возможно, легче пережили бы отказ в продолжении образования.

У старшей сестры Ми Ран, Ми Хи, было прекрасное сопрано. Соседи собирались, чтобы послушать ее, пела ли она популярные в Корее слащавые народные песни или оды Ким Ир Сэну. Ее часто приглашали выступать перед публикой. Певческий талант очень ценится в Северной Корее, где мало у кого есть проигрыватели и магнитофоны. К тому же Ми Хи была настоящей красавицей: один художник даже написал ее портрет. Казалось бы, у нее имелись все данные для поступления в театральное училище. Узнав, что ее не приняли, она несколько дней рыдала. Мать наверняка догадывалась о причине отказа, но все же пошла в училище и потребовала объяснений. Директор посочувствовала, но ничем не смогла помочь. Она объяснила, что с таким *сонбуном*, как у Ми Хи, в училище не принимают.

В отличие от старших сестер, Ми Ран не обладала никакими особенными художественными или спортивными талантами, но тоже была привлекательной и хорошо училась. Когда ей исполнилось пятнадцать лет, в школу пришли серьезного вида люди в темных костюмах. Их командировало Пятое отделение Центрального комитета Трудовой партии с целью отбора девушек для обслуживания руководящей элиты. Отобранные проходили подготовку в лагере военного образца, а затем отправлялись на службу в резиденции высокопоставленных чиновников. Девушкам запрещалось возвращаться домой, но их семьям выдавали в качестве компенсации дорогие подарки. Было непонятно, какую именно работу выполняли те, кто попадал в число избранных. Говорили, что девушки выполняют обязанности секретарш и горничных, развлекают хозяев. А некоторые, по слухам, становились наложницами своих боссов.

«Ты ведь понимаешь, Ким Ир Сэн и Ким Чен Ир – живые мужчины, как и все другие», – шепотом сказала Ми Ран подружка, чья двоюродная сестра прошла отбор. Ми Ран кивнула, постеснявшись признаться в том, что вообще-то не совсем понимает, о чем идет речь. Северокорейские девочки ее возраста не знали, кто такие наложницы, но были уверены: служить партийному руководству в любом качестве чрезвычайно почетно. Такой чести удостоивались только самые умные и красивые.

Когда комиссия вошла в класс, девочки чинно сидели за партами по двое и тихо ждали. Ми Ран была в школьной форме и кедах. Члены комиссии ходили меж длинными рядами парт, время от времени останавливаясь и приглядываясь.

«Встань», – приказал один из них, подойдя к парте Ми Ран. Ей подали знак пройти в учительскую. Когда она туда вошла, там уже ждали четыре другие девочки. Члены комиссии пролистали личное дело Ми Ран, измерили ее рост – 160 см (Ми Ран была одной из самых высоких в классе). Девочку забросали вопросами. Как она учится? Какой у нее любимый предмет? Здорова ли она? Не жалуется ли на какое-либо недомогание? Ми Ран отвечала спокойно и, как ей казалось, правильно.

Больше ее не вызывали. Не то чтобы она хотела расстаться с семьей, но отказ всегда ранит самолюбие.

К этому времени детям стало ясно: в прошлом их семьи есть какой-то изъян. Они начали подозревать, что раз у отца нет родственников на севере, то он, наверное, пришел с юга. Только вот при каких обстоятельствах? Должно быть, он убежденный коммунист, героически вставший на сторону армии Ким Ир Сэна. Но однажды брат Ми Ран добился правды. Сок Чу несколько месяцев готовился к вступительным экзаменам в педагогическое училище и пре-

красно знал ответы на все вопросы, поэтому, когда ему сказали, что он не прошел, он гневно потребовал объяснений.

Правда ошеломила его. Детям сизмальства навязывалась официальная версия новейшей истории. Американцы считались воплощением зла, а южнокорейцы – их никчемными приспешниками. Ученики школ тщательно рассматривали фотографии северокорейских городов, подвергнутых массированным бомбардировкам со стороны США. Ребята читали о том, как американские и южнокорейские солдаты, ухмыляясь, вонзали штыки в тела беззащитных мирных жителей. Школьные учебники изобиловали описаниями зверств врагов, которые сжигали, давили, резали, расстреливали и отравляли невинных людей. Поэтому Сок Чу был так поражен, узнав, что его собственный отец воевал на стороне янки. Впервые в жизни парень напился. Он убежал из дома и две недели жил у приятеля, пока тот не убедил его вернуться к родителям.

«Он все-таки твой отец», – сказал друг. Этот аргумент подействовал. Как любой корейский мальчик, тем более единственный сын, Сок Чу знал, что должен чтить родителей. Парень вернулся домой и упал на колени, умоляя о прощении. Первый раз в жизни он увидел, как отец плачет.

Детям очень долго не открывалась правда об отце, и узнали они ее последними, когда соседи давно уже сплетничали о том, что Тхэ У был солдатом в южнокорейской армии. Инминбан получил указание пристально следить за их семьей. Как только Чон Сан выяснил имя девочки, которую встретил возле кинотеатра, ему стали известны и слухи о неблагонадежности ее отца. Молодой человек прекрасно понимал, что связь с такой семьей ставит под угрозу его карьерные планы. Он не был трусом, но, как и другие северокорейцы, воспитывался в духе конфуцианства и верил, что пришел на этот свет для того, чтобы исполнять желания отца, а тот хотел видеть его студентом Пхеньянского университета. Для поступления туда требовались не только отличные оценки, но и безукоризненная характеристика. Малейшая неосторожность могла разрушить парню все планы, тем более что его семья тоже была не без проблем.

Отец и мать Чон Сана родились в Японии, где к концу Второй мировой войны жило около двух миллионов корейцев различного социального происхождения: люди из знатных семей, которые отправились туда учиться, те, кого принудительно вывезли на работу в военной промышленности, и те, кто просто приехал на заработки. Некоторым удалось разбогатеть, но все равно они оставались представителями национального меньшинства и к ним нередко относились с презрением. Они жаждали вернуться на родину. Но на какую родину? После раздела Кореи японские корейцы тоже разделились на два лагеря. Те, кто поддерживал КНДР, стали членами организации «Чхонрён» – Ассоциации корейских граждан в Японии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.